А.С. КОЗЛОВ

Музыкант, заслуженный артист РСФСР, народный артист России, основатель джаз-рок группы «Арсенал». Действительный член Российской академии естественных наук (РАЕН) по отделению «Дизайн и архитектура», научный сотрудник ВНИИТЭ в 1963–1976 гг.
e-mail: kozlovclub@gmail.com

A.S. KOZLOV

Musician, Honored Artist of the RSFSR, People's Artist of Russia, founder of the jazz rock band Arsenal. Full member of the Russian Academy of Natural Sciences (RANS), department «Design and Architecture», VNIITE researcher in 1963–1976.
e-mail: kozlovclub@gmail.com

ВНИИТЭ. МОЯ «ПАРАЛЛЕЛЬНАЯ ЖИЗНЬ». В ЖАНРЕ ВОСПОМИНАНИЙ

VNIITE. MY «PARALLEL LIFE». IN THE GENRE OF MEMORIES

Автор описывает опыт работы в научно-методическом подразделении ВНИИТЭ в 1960-е и 1970-е годы, направления теоретических исследований в сфере дизайна, творческую обстановку институте, а также общий идеологический климат в СССР в эти годы.

The author describes the experience in the scientific and methodological department of VNIITE in the 1960s and 1970s, the areas of theoretical research in the field of design, the creative environment of the institute, as well as the general ideological climate in the USSR during these years.

Ключевые слова: ВНИИТЭ, дизайн, художественное конструирование, техническая эстетика
Keywords: VNIITE, design, artistic construction, technical aesthetics

Краткая историческая справка

В 1962-м году, в соответствии с постановлением Совета Министров СССР № 349 «Об улучшении качества продукции машиностроения и товаров культурно-бытового назначения путём внедрения методов художественного конструирования», в Москве на территории ВДНХ СССР, под эгидой Государственного комитета СССР по науке и технике, был создан Всесоюзный Научно-Исследовательский Институт Технической Эстетики — ВНИИТЭ. Появление такого института, как ВНИИТЭ, фактически положило начало становлению послевоенного дизайна в стране. Ведь именно на него возлагались такие задачи как организация и развитие дизайна в республиках, регионах и отраслях промышленности, разработка образцовых дизайнерских проектов, создание центра информации в области технической эстетики и эргономики и оказание всесторонней помощи промышленности, создание основ профессиональной деятельности и подготовка кадров высшей квалификации. Уже с 1965-го года ВНИИТЭ в качестве головной организации по дизайну в нашей стране является ее представителем в Международном совете дизайнерских организаций (ИКСИД), имея в виду, что дизайн является одним из каналов интеграции России в мировую экономику и проектную культуру.

В 1968-м году постановлением Совета Министров СССР № 821 на ВНИИТЭ также были возложены: прогнозирование и контроль потребительских свойств изделий машиностроения и товаров культурно-бытового назначения, разработка научных методов оценки, разработка проектов межотраслевых государственных стандартов на общие технико-эстетические требования к качеству промышленных изделий, координация научно-исследовательских работ по проблемам эргономики, а также методическое руководство работой художественно-конструкторских бюро, отделов и групп на предприятиях и организациях министерств и ведомств. В том же 1968 году во ВНИИТЭ была сформирована система подготовки научных кадров высшей квалификации по специальности «Техническая эстетика» и создан Специализированный совет по присуждению ученых степеней кандидата наук по этой специальности.

В 1976-м году постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 1056 институту было поручено согласование технических заданий и оценка технического уровня новых видов товаров культурно-бытового назначения.

В 1987-м году было принято постановление Совета Министров СССР № 1248, которое дополнительно возложило на ВНИИТЭ разработку межотраслевых дизайн-программ и крупных дизайн-проектов важнейших видов машиностроительной продукции, товаров народного потребления и средовых объектов.

Юрий Борисович Соловьев — родился 12 января 1920 года в городе Кострома. Скончался 7 октября 2013 года в Москве. Советский и российский дизайнер, создатель и директор «Всесоюзного научно-исследовательского института технической эстетики» (1962–1987), народный депутат СССР (1989–1991). Окончил Московский полиграфический институт как художник-график, в 1945 году создал первую в СССР специализированную проектную организацию в сфере промышленного дизайна Архитектурно-художественное бюро. В нем им были разработаны дизайн-проекты пассажирских речных судов, железнодорожных вагонов, нового поколения московских троллейбусов, а также дизайн интерьеров первого атомного ледокола «Ленин» и первой атомной подводной лодки. В 1957 году проектировал официальные яхт СССР, которые используются для представительских целей и сейчас.

1962–1987 гг. — создатель и директор Всесоюзного научно-исследовательского института технической эстетики (ВНИИТЭ;

1964–1988 гг. — главный редактор бюллетеня (впоследствии журнала) «Техническая эстетика»;

1969–1976 гг. — вице-президент, 1977–1980 гг. — президент Международного совета обществ промышленного дизайна (ICSID, 1977–1980), ведущей международной дизайнерской организации, с 1981 г. — член Сената ИКСИД;

1987–1990 гг. — основатель и первый председатель Союза дизайнеров СССР.

В 1989–1991 гг. — народный депутат СССР, заместитель Председателя комиссии Верховного Совета СССР по культуре.

В 1991 году Ю.Б.Соловьёв переехал в Великобританию вместе с дочерью. После ее смерти вернулся в Москву и выпустил книгу воспоминаний «Моя жизнь в дизайне» (М.: Союз дизайнеров России, 2004).

Является обладателем многих премий, таких как: Премия Совета Министров СССР за лучший дизайнерский проект (1980); Государственная премия ГДР за исключительный вклад в развитие международного дизайна (1980); Премия Американского общества промышленных

дизайнеров (ИДСА) за исключительный вклад в развитие дизайна на международном уровне (1985); Премия Мексики за вклад в развитие мирового дизайна (1987); Почетный диплом «За исключительный вклад в развитие дизайна в Советском Союзе и на международном уровне» (Токио, 1989); Премия Президента Российской Федерации в области литературы и искусства (1999); Медаль «За исключительный вклад в развитие дизайнерского образования» (Лондон, 2001); «За заслуги в развитии дизайна» (Москва, 2001).

В отделе теории дизайна ВНИИТЭ

После окончания Московского архитектурного института я в течение 14 лет работал в Отделе теории Всесоюзного научно-исследовательского института (ВНИИТЭ), общаясь с ведущими советскими методологами и социологами, набираясь опыта в искусстве использований марксистских терминов в самых разных ситуациях. Мое пребывание в стенах этого института, в среде внутренних эмигрантов, дало мне очень много. Многочисленные научные знания, приобретенные в тот период, полностью изменили мой внутренний мир, оказав воздействие на осознание многих проблем, связанных с профессией музыканта. Для меня работа во ВНИИТЭ была «параллельной жизнью», в социальном смысле никак не связанной с моей джазовой деятельностью. Многие из моих сослуживцев тогда даже и не подозревали, что я где-то там на чем-то играю. Для меня работа здесь была не просто местом получения мизерной, но законной зарплаты. Здесь можно было бы отсидеться хоть всю жизнь, не обнаруживая своих истинных воззрений, общаясь откровенно только со своими. Такое состояние души у интеллигентных людей иногда называли «внутренней эмиграцией».

А история того, как я стал сотрудником ВНИИТЭ, такова. Случайно летом 1963 года я узнал, что неподалеку от моего дома, на территории ВДНХ, недавно открылся новый научно-исследовательский институт, призванный заниматься развитием дизайна в СССР. В то время понятие «дизайн» было чем-то загадочным для советских граждан, многие даже не понимали, что означает это слово. Как это ни парадоксально, но и при создании института слово «дизайн» было нежелательным и поэтому заведение назвали ВНИИ Технической Эстетики. Другим заменителем этого заграничного термина было словосочетание «художественное конструирование». Все это происходило в поздние хрущев-

ские времена, когда прошла замена всех иностранных слов на русские. Французская булка стала называться «московской», печенье «Пети фур» — «китайской смесью», гостиница «Савой» — «Берлином», и таких примеров можно привести десятки, если не сотни. А до этого, в сталинские времена, был период, когда нежелательным стало даже слово «архитектура», и разрешалось только «зодчество».

Я узнал, что во ВНИИТЭ, помимо проектных отделов, где сотрудники должны были сидеть на работе весь день, были и научные, где предполагалось всего два присутственных дня в неделю, а остальные дни назывались «библиотечными». Заинтересовавшись таким графиком, я решил пойти в отдел кадров этого нового института и предложить себя в качестве сотрудника отдела теории дизайна, поскольку два рабочих дня в неделю еще можно было выдержать, играя еженедельно шесть вечеров в кафе-клубе «Молодежное». Это был идеальный способ вести «двойную жизнь», работая вполне официально, имея диплом архитектора, но не бросая налаженную, но полуподпольную джазовую карьеру, играя в кафе «Молодежное» под прикрытием Горкома Комсомола. Ведь тогда в любой момент джаз мог подвергнуться запрету, и никакой комсомол не смог бы его спасти. Я решил, что ВНИИТЭ сможет послужить мне запасным плацдармом при уходе в джазовое подполье. Я подал заявление в отдел кадров института, и меня приняли на работу младшим научным сотрудником отдела теории с окладом в 130 рублей. Постепенно выяснилось, что и в эти два присутственные дня никто из «ученых» после обеда на работе не остается, уходя «в библиотеку», так что место для официальной службы оказалось идеальным. Но насколько оно стало идеальным для меня, я осознал позднее, когда ближе познакомился с характером своей работы и с окружавшими меня людьми. Ввиду того, что область так называемой технической эстетики была чем-то совсем новым, в этот институт пришли работать необычные личности. Это были специалисты в самых разных областях науки и практической деятельности, искавшие неординарного применения своих знаний. Кроме того, здесь постепенно подобрались те, кто искал более свободной, более творческой обстановки по сравнению с устоявшимися советскими учреждениями, где идеологическое начало преобладало во всем. В первые годы существования этого института там действительно была полная свобода в выборе тем для научных исследований, никто не навязывал методики работы, совершенно не обязательно было по каждому

поводу ссылаться на Маркса, Ленина или Брежнева в своих текстах. Мы, сотрудники института, были призваны создать не существовавшую пока теорию советского дизайна. Перед нами был чистый лист бумаги.

Я, считавший себя до этих времен достаточно широко образованным и начитанным человеком, попал в компанию специалистов такого высокого класса в разных областях, что ощутил себя поначалу чем-то вроде неуча. Достаточно назвать такие имена, как Игорь Голомшток, Георгий Щедровицкий, Олег Генисаретский, Елена Черневич, Леонид Переверзев, Евгения Зенкевич, Людмила Марц, Владимир Зинченко, Юрий Долматовский, Юрий Сомов... Работа научного сотрудника сводилась к тому, что он сам выбирал себе тему для исследований, которая согласовывалась на Ученом совете и должна была вносить определенную лепту в создание единой теории дизайна. За время работы в институте я занимался исследованиями в самых разных областях знания. Моя первая работа, ставшая вскоре темой кандидатской диссертации, была посвящена истории и принципам проектирования часов. Позднее, в течение двух лет, я занимался исследованием возможности предсказания предметной среды будущего, изучая все существовавшие утопические и антиутопические произведения, принадлежавшие известным писателям, ученым, политическим и религиозным деятелям, с древних времен до наших дней. Затем, приобретя некие навыки ученого-методолога, я взялся за серьезную тему, связанную с построением «Теоретической модели творческого процесса дизайнера». Здесь мне пришлось окунуться в море литературы по психологии творчества, а также ближе подойти к основам логики и методологии науки, описывающей законы построения любых гипотетических моделей. Для того чтобы выдавать качественный научный продукт, чтобы не было стыдно перед коллегами, пришлось по-настоящему вникать во все проблемы и становиться, по сути, настоящим ученым. Варианта легкого «сачкования» в этом институте не получалось. Да и сами темы моих исследований оказались настолько интересными, что я увлекся своей новой профессией. Этому способствовало, к тому же, сознание элитарности как самого института, так и всего, чем мы там занимались. Так называемые библиотечные дни, которые предназначались, вроде бы, для ничегонеделания, постепенно превратились в истинные, трудовые библиотечные дни. Получив пропуск в научный зал Библиотеки им. Ленина и допуск в «спецхран», я стал просиживать в Ленинке массу времени по собственной воле. Для меня

открылась такая пропасть информации, которой я не мог себе раньше и представить. Обычно, приходя туда утром, и заняв место в зале, я заказывал два типа книг. Одни книги касались моей непосредственной работы во ВНИИТЭ, другие относились к чему угодно, просто интересовавшему меня. Научившись пользоваться каталогами Ленинки, я выуживал из ее хранилищ старинные издания, книги, связанные с эзотерическими знаниями, современные иностранные книги и журналы, которые невозможно было получить больше нигде. Был период, когда сидение в Ленинке стало для меня чем-то вроде наркомании, а получаемая там обширная и беспорядочная информация — разновидностью наркотика. В какой-то момент я понял, что сидение там и чтение все новых и новых редких книг затягивает меня в особый образ жизни, в круг людей, сбегающих, эмигрирующих в мир информации из реальной действительности, где надо бороться за свой успех, надо реализоваться. Я стал замечать в библиотеке одних и те же постоянных посетителей, которые явно сделали это место своим вторым домом. Я постоянно сталкивался с ними в буфете, у шкафчиков каталогов, в курилках, в гардеробе. Приглядевшись к некоторым из них повнимательнее, я постепенно понял, что Ленинка стала для многих представителей советской интеллигенции прекрасным убежищем от необходимости общения с сотрудниками в своем учреждении, от семьи и от социума вообще. Под видом работы над диссертациями многие специалисты, включившиеся в процесс научно-исследовательской работы, просто сбегали таким способом от серой жизни. Они никуда не торопились, подолгу курили, часто ходили в буфет. Но среди посетителей Ленинки явно выделялись и те, для кого знание было средством в построении личной карьеры — защитить диссертацию, сперва кандидатскую, потом докторскую, стать начальником сектора, отдела, института. Осознав все это, я понял, что постепенно становлюсь типичным представителем интеллектуальной эмиграции, что получение знания становится для меня неким видом хобби, а к хобби я всегда относился с некоторой долей пренебрежения. Годы, проведенные в Ленинке, я вспоминаю с какой-то тоской по тому, чего уже никогда не повторить.

Распространенной формой общения и обмена знаниями в рамках ВНИИТЭ были семинары. Одним из самых значительных и постоянно действующих семинаров был организован выдающимся специалистом по логике и методологии науки, создателем отечественной школы теории

деятельности Георгием Петровичем Щедровицким. Так как теория деятельности распространялась на все виды человеческой активности, то в этих семинарах участвовали специалисты из самых разных областей знания. Здесь заслушивались и потом обсуждались доклады ведущих философов и логиков, искусствоведов и историков, психологов и эргономистов, теоретиков проектирования, систематиков и кибернетиков. Семинары проходили, в зависимости от темы, в большом зале заседаний Ученого совета института, в отдельных комнатах института, а также на квартирах. Никто не заставлял являться на эти мероприятия, они организовывались для самих себя, просто чтобы набраться ума друг у друга.

Именно во ВНИИТЭ я стал свидетелем официального обыска, проводимого сотрудниками КГБ в столе у одного из наших коллег — всемирно известного искусствоведа Игоря Голомштока. Мы сидели по несколько человек в комнате, и у каждого был свой письменный стол с ящичками для хранения бумаг, документов и рукописей. И вот однажды, по-моему, в 1965 году, в одну из таких комнат вошли два человека в одинаковых костюмах и попросили всех выйти. Они сказали, что должны сделать обыск в столе Голомштока, причем без посторонних. Только тогда я узнал более подробно, что Игорь Голомшток был свидетелем на известном политическом процессе по делу Синявского и Даниеля и, будучи их другом, отказался отвечать на какие-то вопросы судьи, за что был осужден, согласно статье об отказе дачи свидетельских показаний. Ему дали условный срок с выплатой какого-то процента из зарплаты. Но поскольку он, ходя на работу, продолжал считаться осужденным, то, согласно каким-то правилам, должен был проходить постоянную проверку в виде обыска. Все мы, включая и самих сотрудников КГБ, понимали бессмысленность этих формальных обысков, но осадок на душе от них оставался неприятный.

Постепенно в среде сотрудников ВНИИТЭ сами собой сблизились те сотрудники, которые одинаково относились к советской системе. Именно в этом узком кругу я приобщился к теоретически обоснованному и спокойному неприятию большевизма, основанному на глубоком знании всех его пороков и противоречий, его беспощадности и лживости. При всей непримиримости отношения мне удалось отойти от обычной бытовой антисоветчины, ширившейся среди советских граждан в связи с постоянным ухудшением условий жизни в СССР. Как это ни странно, во многом помогло разобраться самостоятельное изу-

чение некоторых трудов Карла Маркса применительно к нашей теории дизайна. Начальник нашего отдела Мстислав Федоров был большим знатоком классиков марксизма, и под его руководством мы создавали такие красивые утопические картины жизни будущего коммунистического общества, что это напоминало научную фантастику. Тем не менее, все соответствовало марксистским законам. Но на деле все это было абсолютно неприемлемо и неосуществимо в реальной советской жизни и, более того, противоречило политике партии. Чтобы было понятнее, мы разрабатывали концепцию предметной среды будущего, способствующей осуществлению трудовых процессов как увлекательного хобби, а концепцию отдыха как продолжения труда, в целях продолжения гармоничного развития личности. Жилье рассматривалось как некая форма общественного существования, среда для воспитания и обучения также подчинялась совсем новым принципам педагогики. То же самое касалось сферы науки, культуры и прочего. И все это подтверждалось ссылками на первоисточники марксизма-ленинизма.

К началу 70-х годов и во ВНИИТЭ пришло неписаное правило — начинать любую научную работу или даже статью со слов: «Как сказал Леонид Ильич Брежнев в своем докладе на ...». Стали обязательными ссылки и цитаты на классиков, идеологические обоснования и прочая советская казуистика, которая чаще всего прилеплялась механически к авторскому тексту, и все это понимали. Тем не менее, общий тон научной продукции института постепенно стал более тяжелым и идеологизированным. Ведь ВНИИТЭ был учреждением при «Всесоюзном комитете по науке и технике» Совета министров СССР. Пришло время, и мы, сотрудники отдела теории, стали получать задания составлять тексты для докладов крупных партийно-правительственных чиновников, представлявших советский дизайн на крупных международных симпозиумах и конгрессах. Мне однажды пришлось писать доклад на тему «Дизайн и наука» для самого товарища Гвишиани, председателя нашего Комитета. После того как я написал свой текст, идеальный с марксистской точки зрения, он пошел на доработку еще на несколько уровней, последним из которых был отдел науки при ЦК КПСС. Впоследствии мне удалось случайно увидеть, что осталось там от моего текста. В нем было убрано, в первую очередь, все самое марксистское, затем — наиболее содержательное, и оставлены лишь общие рассуждения, причем дописанные кем-то, в дизайне ничего не понимающим. Так я на практике столкнулся

со скрытым неприятием многих положений марксистской идеологии в недрах высшей власти.

Я «завязал» с карьерой теоретика-дизайнера моментально и без раздумий, как только представилась возможность стать профессиональным музыкантом вместе со своим ансамблем «Арсенал», весной 1976 года, когда нас начали оформлять на работу в одной из филармоний страны. И полностью переключился на музыку. Но вот, совершенно неожиданно для меня, в 2009 году мне позвонили из Дома Ученых и попросили прибыть на церемонию вручения диплома академика. Я растерялся и попросил объяснить, что происходит. Оказалось, что в Российской Академии Естественных Наук создано новое отделение «Архитектура и дизайн», и они должны принять первых трех академиков. Решили начать с ветеранов и обратились к истории ВНИИТЭ и, в частности, «Отдела теории» и подробно изучили материалы его научной активности. Сотрудники Академии пришли к выводу, что наиболее подходящими кандидатами являются А.Ермолаев, Е.Задесенец и А.Козлов. Член Президиума РАЕН Андрей Смирнов персонально отозвался об Алексее Козлове как об одном из пионеров послевоенного отечественного дизайна, сделавшего свое музыкальное творчество орудием в деле социального дизайна, формирования социокультурной среды. Вручение «Диплома академика» состоялось 17 июня 2009 года в Центральном Доме Ученых на торжественном открытии «Отделения архитектуры и дизайна» РАЕН.

Список литературы:

1. Методические проблемы художественного конструирования. — Москва, 1971. — (Труды ВНИИТЭ. Сер. Техническая эстетика; Вып. 1).

2. Методика художественного конструирования. — Москва, 1973. — (Труды ВНИИТЭ. Сер. Техническая эстетика; Вып. 4).

3. *Козлов А.С.* Роль научного знания в развитии дизайна. // Техническая эстетика. — 1975. — №7. — С.1-3

4. *Козлов Алексей.* Рок. Истоки и развитие. — Москва: Синкопа, 2001.

5. Соловьев Юрий Борисович. Моя жизнь в дизайне / Ю.Б.Соловьев. — Москва: Союз дизайнеров России, 2004.